

ИЗВѢСТІЯ
КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ V.

1878 годъ.

№ 4.

Предварительный отчетъ объ изслѣдованіи Дарьялыка (Узбоя)
и мѣстности между Аму-Дарьею и Сары-Камышемъ.

Со времени Петра Великаго вниманіе Россіи стало обращаться на Среднюю Азію, извѣстную только по немногимъ путешествіямъ да по сказаніямъ греческихъ, арабскихъ и персидскихъ историковъ. Уже въ то время имѣлись свѣдѣнія, что Аму-Дарья текла когда-то въ Каспійское море, и потому Бековичъ-Черкасскій, дошедшій къ Хивѣ съ отрядомъ въ 3 тыс. человекъ, въ послѣдніе годы царствованія Петра Великаго, обязанъ былъ собрать свѣдѣнія о прежнемъ направленіи Аму-Дарьи. Погибель Бековича-Черкаскаго со всею отрядомъ въ Хивинскомъ ханствѣ помѣшала исполненію предвчертаній царя, а несомнѣнно, тогда-бы можно было почти достовѣрно опредѣлить не только время поворота Аму-Дарьи на настоящее направленіе, но, пожалуй, и причины этого поворота, потому что, если судить по лѣтописи султана Абуль-Гази, жителя тѣхъ мѣстъ, обозначившаго начало поворота Аму-Дарьи въ Аральское море около 1575 года, а конецъ послѣ 1640 года, то, стало быть, во время Бековича-Черкаскаго, менѣе чѣмъ черезъ 80 лѣтъ послѣ конца переворота въ теченіи рѣки, можно было найти въ ханствѣ стариковъ, если не видѣвшихъ эту катастрофу собственными глазами, то слышавшихъ о ней отъ очевидцевъ, своихъ отцовъ и дѣдовъ.

Послѣ неудачной экспедиціи Бековича-Черкаскаго, наши сношенія съ странами, прилегающими къ низовьямъ Аму-Дарьи, на-долго прекратились и возобновились уже около двадцатыхъ годовъ этого столѣтія, когда въ Хиву былъ посланъ Муравьевъ. Послѣ него было еще нѣсколько посольствъ, но они не разъяснили вопроса о времени и причинахъ поворота Аму-Дарьи, — да и самый вопросъ этотъ интересовалъ очень и очень не многихъ.

Но съ 1870 года, — послѣ того, когда на восточномъ берегу Каспия былъ занятъ Красноводскъ, лежащій въ самомъ недалекомъ разстояніи отъ Балханскаго залива, куда впадала прежде Аму-Дарья, — начали, параллельно съ изученіемъ степи на востокъ отъ Каспійскаго моря, заниматься изслѣдованіями и стараго русла Аму-Дарьи, по которому приходилось двигаться и отрядамъ, такъ какъ здѣсь, въ старомъ руслѣ, находились и колодцы, и небольшія озера. Въ 1873 году, во время покоренія Хивы, произведены были, подѣ начальствомъ полковника Глуховскаго, осмотръ и съемка стараго русла до самыхъ озеръ Сары-Камышъ, лежащихъ въ 150-ти верстахъ на З. отъ гор. Куни-Ургенчъ, и затѣмъ въ 1875 г. топографъ Лупандинъ проѣхалъ и снялъ глазомѣрно часть стараго русла между колодцами Игды и оз. Сары-Камышъ, известную до того времени только по рассказамъ туземцевъ. Всѣ эти осмотры и съемки тоже не выясняли причинъ поворота Аму-Дарьи и не только не опровергали, возникшей значительно раньше, гипотезы о геологическомъ поднятіи, заставившемъ Аму-Дарью бросить свое прежнее направленіе и направиться въ Аральское море, а напротивъ, помогали еще ея распространенію, потому что гипотеза эта давала объясненіе, удовлетворявшее, повидимому, всѣмъ требованіямъ и отвѣчавшее на всѣ вопросы.

Въ 1876 году возникло предположеніе объ устройствѣ постоянного торговаго пути по направленію отъ Хивинскаго оазиса на Красноводскъ, намѣченному полковникомъ Глуховскимъ, снарядившимъ и пославшимъ по этому пути даже свой караванъ. Дѣйствительно, это самое кратчайшее разстояніе; но на первой части этого пути (между колодцами Узунъ-Кую и оз. Сары-Камышъ) встрѣчаются большія пространства, лишенныя воды, и потому необходимо было принять мѣры къ тому, чтобы устранить этотъ недостатокъ, а также сдѣлать вновь устраиваемый путь совершенно безопаснымъ отъ нападений хищническихъ набѣговъ партій текинцевъ, неоднократно грабившихъ здѣсь караваны *). Для этой послѣдней цѣли предполагалось построить укрѣпленіе и учредить при немъ торговую факторію гдѣ-либо

*) Въ 1875 г. текинцы разграбили караванъ у колодцевъ Кумъ-Себшенъ, какъ разъ на половинѣ дороги между Красноводскомъ и Куни-Ургенчъ, а въ 1877 году — на уроч. Балыклы, всего въ 70-ти верстахъ отъ города Куни-Ургенчъ.

въ предѣловъ Хивинскаго ханства, на пространствѣ между озер. Сары-Камышъ и городомъ Куны-Ургенчъ. Понятно, что укрѣпленіе и факторія должны были быть обезпечены водою такъ, чтобы не зависѣть отъ всякихъ случайностей, а потому явилась мысль обводнить старое русло, по которому идетъ новая дорога, отъ Куны-Ургенча до оз. Сары-Камышъ и даже далѣе до урочища Акъ-Инишъ (въ 28 верстахъ отъ колодца Узунъ-Кую). Рѣшеніе вопроса о пропускѣ воды въ старое русло требовало предварительныхъ изысканій и нивелировки, и для этого въ 1876 г. была назначена коммисія, на которую возложено было: произвести нивелировку стараго русла Аму-Дарьи, отъ его начала у нынѣшняго русла до оз. Сары-Камышъ, и нивелировку канала Лаузанъ, по которому когда-то, какъ говорили туземцы, направлялась вода въ старое русло; сдѣлать съемку плотинъ, имѣющихся въ старомъ руслѣ, и собрать свѣдѣнія объ извѣстіяхъ, неоднократно подтверждавшихся и донесеніями нашихъ прежнихъ посольствъ въ Хиву, о томъ, что лѣтъ двадцать тому назадъ вода изъ Аму-Дарьи доходила до озеръ Сары-Камышъ. Кромѣ того, были указаны еще нѣкоторыя задачи, но главная заключалась въ нивелировкѣ и съемкѣ по старому руслу и въ повѣркѣ свѣдѣній о появленіи въ немъ прѣсной воды въ весьма недавнее время. Коммисія состояла всего изъ четырехъ человѣкъ: начальника ея, одного инженеря путей сообщенія (г. Гельмана) и двухъ топографовъ (гг. Прокофьева и Черомскаго). Въ концѣ іюля 1876 г. выѣхала она изъ Тифлиса, а 14 августа отправилась съ отрядомъ изъ Красноводска къ предѣламъ Хивинскаго оазиса по тому самому пути, который предполагалось сдѣлать доступнымъ для постоянного движенія каравановъ.

Работы коммисіи продолжались въ концѣ 1876 г. и въ 1877 г., до половины ноября, когда изслѣдованія доведены были къ оз. Сары-Камышъ, и затѣмъ коммисія возвратилась въ Тифлисъ кружнымъ путемъ на Казалинскъ и Оренбургъ. — Съ началомъ работъ оказалось, что, одновременно съ выполненіемъ задачъ, указанныхъ коммисіи относительно выясненія возможности обводненія стараго русла до оз. Сары-Камышъ, можетъ быть сдѣлано кое-что и для рѣшенія вопроса, какія причины заставили Аму-Дарью повернуть въ Аральское море, или, по крайней-мѣрѣ, для разъясненія того, есть-ли справедливость въ гипотезѣ о геологическомъ поднятїи, или-же это только удачная мысль, вошедшая въ силу, благодаря своей общедоступности? Въ преслѣдова-

ніи этихъ цѣлей и состояли всея занятія комисіи. Вопросъ о возможности обводненія разработанъ окончательно; разслѣдованія же о вѣроятности геологическаго поднятія не доведены до конца, такъ какъ работы дошли только до оз. Сары-Камышъ, а ихъ пужно было-бы довести до Каспійскаго моря *); но и то, что уже сдѣлано, даетъ поводъ вывести заключеніе о невѣрности гипотезы; во всякомъ случаѣ, она не годится для изслѣдованнаго пространства.

Нивелировка производилась продольная и поперечная, первая—въ два нивелира, а вторая—въ одинъ. Продольною нивелировкой пройдено: по лѣвому берегу рѣки Аму-Дарьи, отъ гор. Новый-Ургенчъ почти до города Ходжейли, 140 верстѣ; потомъ — по старому руслу, отъ его начала у города Новый-Ургенчъ до оз. Сары-Камышъ, 360 верстѣ, и затѣмъ — по каналу Лаузанъ (Лауданъ), отъ его истока изъ Аму-Дарьи до окончанія въ старомъ руслѣ, 60 верстѣ. Этими тремя нивелировками опредѣлено: во первыхъ, паденіе мѣстности около стараго русла до озера Сары-Камышъ, паденіе въ самой рѣкѣ Аму-Дарьѣ и, наконецъ, паденіе мѣстности между старымъ и настоящимъ руслами по каналу Лаузанъ, служащему соединеніемъ между обоими руслами. Затѣмъ, продольная нивелировка сдѣлана была по каналамъ: Мангытъ-Арна, отъ его истока въ Аму-Дарьѣ до окончанія въ каналѣ Лаузанъ (60 верстѣ), Советъ-Ярганъ (на 30 верстѣ) и Шамратъ (на 60 верстѣ). Первые два канала идутъ въ треугольникѣ, образуемомъ руслами Дарьи, старымъ и настоящимъ, и каналомъ Лаузанъ, такъ что нивелировка здѣсь даетъ полное понятіе о рельефѣ мѣстности во всемъ треугольникѣ. Каналь-же Шамратъ идетъ изъ стараго русла на Ю.-З. и оканчивается многими развѣтвленіями между возвышенностями Манъ-Гыръ и Дузь-Гыръ, такъ что этою нивелировкой опредѣленъ уклонъ мѣстности на Ю.-З. отъ стараго русла.

Сношенія съ туземцами, во время работъ въ Хивинскомъ оазисѣ, доставили свѣдѣнія, что на югѣ отъ стараго русла есть еще два старыхъ русла, изъ которыхъ одно носитъ названіе Де-

*) Въ 1877 г. рѣшено было продолжать работы по нивелировкѣ и съемкѣ стараго русла до Каспійскаго моря и даже сдѣланы были всея необходимыя къ этому приготовленія; но война съ Турціею отвлекла наши силы на другія надобности, и изслѣдованія пришлось прекратить у озера Сары-Камышъ.

уданъ, а другое (мало кому известное)—Тону-Дарья или Сону-Дарья. Такимъ образомъ выяснилось, что въ Хивинскомъ оазисѣ есть три старыхъ русла. Первое изъ нихъ, наиболѣе известное и ближайшее къ настоящему руслу, называемое Дарьялыкъ или Кёне-Дарья (Куна-Дарья), начинается западнѣе города Ургенча и проходитъ, близъ городовъ: Кокъ-Чегэ, Клычъ-Ниязъ-Бай и Куна-Ургенчъ, къ озер. Сары-Камышъ. Второе—Деуданъ, называемое также Дарьялыкомъ (мы его будемъ называть только первымъ именемъ), начинается между городами Ханка и Хазаръ-Аспъ и проходитъ, у городовъ: Кошъ-Капюръ, Амбаръ-Манасъ, Ташхаузъ и Ильяллы, къ горъ Манъ-Гыръ и затѣмъ къ оз. Тюнюкю, не доходя до котораго оно дѣлится на два русла: одно, идущее восточнѣе*), а другое—въ оз. Тюнюкю и изъ него къ оз. Сары-Камышъ. Третье русло, называемое Тону-Дарья или Сону-Дарья, начинается у гор. Хазаръ-Аспъ, проходитъ около самаго города Хивы, съ южной его стороны, отсюда направляется къ бугру Бійшикъ-Гыръ и затѣмъ къ возвышенности Чагыллы-Киришъ. Здѣсь оно теряется, но потомъ вновь выступаетъ ясно подъ возвышенностями Ясы-Гыръ, Калалы-Гыръ и Дузь-Гыръ и направляется далѣе къ колодцамъ Аджи-Кую**). Это послѣднее русло составляетъ дѣйствительную южную границу Хивинскаго оазиса на пространствѣ отъ гор. Хазаръ-Аспъ до бугра Бійшикъ-Гыръ. Сейчасъ же за нимъ начинается песчаная пустыня изъ громадныхъ бархановъ, когда-то покрытыхъ саксауломъ, а теперь почти голыхъ, такъ какъ саксаулъ весь вырубленъ и вывезенъ на топливо въ Хивинскій оазисъ. Эти три русла представляли весьма не маловажный интересъ въ разрѣшеніи задачи о причинахъ поворота Аму-Дарья, потому что еслибы гипотеза о геологическомъ поднятіи была вѣрна, то мѣстность около бугра Бійшикъ-Гыръ, несомнѣнно, должна была быть выше мѣстности около Дарьялыка и тѣмъ болѣе около настоящаго русла рѣки. Конечно, всѣ русла должны были быть пересѣчены прямою линіею по меридіану, проходящему черезъ бугоръ Бійшикъ-Гыръ. Поэтому была произведена нивелировка въ одинъ нивелиръ отъ Дарьялыка (перваго стараго русла), у моста въ

*) Дальнѣйшее направленіе этого восточнаго развѣтвленія не было исследовано.

**) Куда направляется русло отъ колодцевъ Аджи-Кую — осталось не исследованнымъ.

городъ Кокъ-Чегэ, черезъ второе русло Деуданъ—къ бугру Бйшикъ-Гыръ, около котораго пересѣчено и третье русло Тону-Дарья. Такимъ образомъ, всѣми перечисленными нивеллировками опредѣлились уклоны мѣстности: во-первыхъ, по направленію перваго стараго русла Дарьялыка, до озеръ Сары-Камышъ; во-вторыхъ, по теченію рѣки Аму-Дарьи, отъ гор. Новый Ургенчъ до гор. Ходжейли, и, въ-третьихъ, на югъ отъ этихъ руселъ верстъ на 60 у бугра Бйшикъ-Гыръ и верстъ на 100 по каналу Шамратъ, между возвышенностями Манъ-Гыръ и Дузь-Гыръ. Кромѣ того, произведено множество поперечныхъ нивеллировокъ черезъ старыя русла и каналы. Этими нивеллировками еще болѣе выясняется рельефъ изслѣдованнаго пространства, такъ какъ нѣкоторыя поперечныя нивеллировки проводились верстъ на семь. — Одновременно съ нивеллировкой производилась и съемка инструментальная и глазомѣрная. Первая производилась тамъ, гдѣ шла нивеллировка, а вторая—во всѣхъ мѣстахъ, почему-либо заслуживавшихъ вниманія, но удаленныхъ отъ главнаго направленія работъ, сосредоточенныхъ около перваго стараго русла Дарьялыка.

Кромѣ того, производились наблюденія надъ скоростью теченія въ Аму-Дарьѣ, начиная отъ гор. Ходжейли вверхъ, верстъ на 700, до гор. Чарджуя, въ Бухарскомъ ханствѣ, и надъ скоростью теченія въ нѣкоторыхъ каналахъ. Измѣрялось количество примѣсей къ Аму-Дарьѣ и въ каналѣ Лаузанъ и количество солей въ рѣчной водѣ; наконецъ, производились метеорологическія наблюденія и наблюденія надъ испареніемъ воды. Такимъ образомъ, изслѣдована въ различныхъ отношеніяхъ область, прилегающая къ Аму-Дарьѣ, въ ея настоящемъ и прежнихъ руслахъ. Когда произведенныя изслѣдованія получатъ окончательную обработку, то можно будетъ сдѣлать нѣкоторые выводы, основанные на фактическихъ данныхъ и на точныхъ наблюденіяхъ.

Нивеллировка показала, что паденіе Аму-Дарьи въ настоящемъ ея теченіи, на пространствѣ отъ гор. Новый-Ургенчъ до города Ходжейли, составляетъ $0,000105$ метра или $2\frac{1}{3}$ вершка на версту, и что паденіе стараго русла Дарьялыка отъ начала его въ Аму-Дарьѣ, у гор. Новый-Ургенчъ, до впаденія въ него древняго канала Лаузанъ (на 20 верстъ выше города Куя-Ургенчъ), составляетъ $0,00012671$ метра или $2\frac{5}{6}$ верш. на версту. Наконецъ, паденіе канала Лаузанъ, отъ его выхода изъ Аму-Дарьи до впаденія въ старое русло, равно $1,000180$ метра или $4\frac{1}{10}$ вер. на версту.

Стало быть, по старому руслу паденіе было значительно больше, чѣмъ по тому направленію, которое избрала Аму-Дарья, оставивъ Дарьялыкъ. Нивелировка отъ города Кокъ-Чегѣ по направленію къ бугру Бійшикъ-Гыръ дала самый незначительный уклонъ, такъ какъ оказалось, что русло Дарьялыка у города Кокъ-Чегѣ превышаетъ дно русла у бугра Бійшикъ-Гыръ всего на 1,⁷⁸²⁵ метра или на 2 аршина 8¹/₂ вершковъ; но не надобно забывать, что около бугра Бійшикъ-Гыръ русло заносится постоянно песками, тогда какъ въ Дарьялыкѣ есть вода, проносящая пески, еслибы они попали въ русло. Наконецъ, нивелировка по каналу Шамратъ, собственно говоря, не была и нужна, потому что и безъ нея ясно было, что паденіе внизъ по каналу Шамратъ есть, такъ какъ иначе этотъ каналъ не могъ бы служить для ирригаціи, всего 6—8 лѣтъ тому назадъ. Что же касается до уклона мѣстности по старому руслу, Дарьялыку, отъ впаденія въ него канала Лаузанъ до оз. Сары-Камышъ, то хотя данныхъ для приблизительнаго опредѣленія въ цифрахъ такого уклона еще не выведено, но уклонъ здѣсь едва ли не больше, чѣмъ вверхъ отъ канала Лаузанъ, потому что отъ канала Лаузанъ русло дѣлается все болѣе и болѣе рѣзкимъ и глубокимъ и, не доходя верстъ около тридцати до оз. Сары-Камышъ, оно обращается въ трещину съ отвѣсными глиняными стѣнами, упорно сопротивляющимися атмосфернымъ влияніямъ. Глубина старого русла у уроч. Декча, въ 25 вер. отъ оз. Сары-Камышъ, достигаетъ до 30-ти саж., при ширинѣ иногда не больше 100 — 150 сажень. Положимъ, образованіе русла съ такою глубиною и съ такими характерными особенностями есть слѣдствіе не только одного пониженія воды въ озерахъ Сары-Камышъ; но, тѣмъ не менѣе, пониженіе мѣстности отъ устья канала Лаузанъ до начала котловины съ озерами Сары-Камышъ весьма значительное. Уже у устья Лаузана старое русло ниже уровня Аральскаго моря. По нивелировкѣ, произведенной въ 1875 г. экспедиціей, подъ начальствомъ полковника (нынѣ генералъ-маіора) Столѣтова, берегъ Аму-Дарьи у укр. Нукусъ, лежащаго на правомъ берегу, противъ города Ходжейли, выше уровня Аральскаго моря на 8,⁵⁶ метра, а по произведеннымъ въ 1876 и 1877 годахъ нивелировкамъ, берегъ Аму-Дарьи у гор. Ходжейли (тоже самое значитъ, что и у укр. Нукусъ) лежитъ надъ старымъ русломъ у устья канала Лаузанъ на 10,⁷⁵⁷ метра. Между тѣмъ рѣка оставила свое старое русло съ болѣшимъ паденіемъ и повер-

нула вправо къ Аральскому морю. Всѣ эти цифры, добытыя путемъ точныхъ работъ, доказываютъ, что измѣненіе теченія въ Аму-Дарьѣ слѣдовало тѣмъ-же законамъ, какъ и во всѣхъ другихъ рѣкахъ, и что для объясненія измѣненія этого теченія не зачѣмъ прибѣгать къ гипотезамъ о геологическомъ поднятіи или другихъ какихъ-нибудь пертурбаціяхъ на поверхности земного шара.

Аму-Дарья на пространствѣ, извѣстномъ намъ и подвергнутомъ уже изслѣдованіямъ, отъ горъ Чарджуя, въ Бухарскомъ ханствѣ, до Аральскаго моря протекаетъ до 800 верстъ. Изъ этого числа три четверти она пробѣгаетъ однимъ русломъ, образуя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ множество острововъ и мелей; въ послѣдней четверти дѣлится она на нѣсколько рукавовъ и образуетъ большую дельту, вершина которой находится у укр. Нукусъ. Отъ города Чарджуя на 130 верстъ ниже, до укр. Кабаклы (также въ Бухарскомъ ханствѣ), Аму течетъ между известковыми возвышенностями, прилегающими близко къ правому берегу и иногда спускающимися обрывисто въ рѣку. На лѣвомъ берегу возвышенностей не видно и весь лѣвый берегъ занятъ поселеніями, продолжающимися сплошь до укр. Кабаклы, у котораго и на лѣвомъ берегу возвышенности подходятъ вплотную къ рѣчной долинѣ. Такимъ образомъ, правый берегъ отъ Чарджуя до Кабаклы представляетъ почти сплошную пустыню, тогда какъ на лѣвомъ все занято, все орошено и зеленѣетъ богатѣйшею растительностью. Есть и на правомъ берегу поселенія, укрывшіяся между изгибами возвышенностей; но поселенія эти (Бетикъ, Хараджъ, Ходжа-Кенепсе, Осты и др.) весьма незначительны и раздѣлены пространствами, неудобными ни къ какой эксплуатаціи и покрытыми, вдобавокъ, песками. Напротивъ того, на лѣвомъ берегу населеніе скученное; такъ, напр., въ одномъ только Чарджуѣ, съ прилежащими къ нему поселками, насчитывается до 6 тыс. дворовъ, да столько-же считается въ лежащемъ ниже его селеніи Денау. А между тѣмъ полоса земли, удобная къ воздѣлыванію и орошенію, простирается вглубь степей на югъ всего верстъ на тридцать, такъ что густота населенія здѣсь обусловливается исключительно плодородіемъ почвы и удобствами орошенія. На правомъ берегу Аму врагомъ земледѣлію и всякому другому хозяйству являются еще пески, надвинувшіеся громадными барханами на самый берегъ рѣки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, внутри изгибовъ скалъ были долины, весьма удобныя для обработки; но пески погребли ихъ подъ со-

бою, и жителямъ пришлось оставить насиженные мѣста и переселиться на лѣвый берегъ.

Отъ укр. Кабаклы, гдѣ стоитъ Бухарскій гарнизонъ для защиты отъ набѣговъ мервскихъ текинцевъ, Аму-Дарья течетъ между скалистыми известковыми возвышенностями до уроч. Дые-Баюнъ, на протяженіи 240 верстъ. Тутъ уже нѣтъ никакого населенія; возвышенности покрыты песками, собравшимися въ барханы и тянущимися на далекое пространство. На сѣверѣ пески переходятъ въ песчаную пустыню Кизиль-Кумъ, а на югѣ доходятъ до Мервскаго оазиса. По разсказамъ, верстъ за 10—15 отъ рѣки, пески на обоихъ берегахъ заросли большими саксауловыми лѣсами; но близъ рѣки нѣтъ ничего, кромѣ мелкаго кустарника, потому что все остальное вырублено и свезено на каюкахъ въ Хиву. Кое-гдѣ по берегамъ есть, впрочемъ, низменности, такъ называемые тугаи, годные для земледѣлія, но они весьма не велики и образовались только въ изгибахъ возвышенностей, окаймляющихъ рѣку. Тѣмъ не менѣе, на пространствахъ между укр. Кабаклы и уроч. Дые-Баюнъ встрѣчаются развалины многихъ древнихъ крѣпостей, а именно — по правому берегу: Наръ-Кызъ, Кызъ-Кала, Джигитъ-Кала, Сертарашъ, Учъ-Учагъ, Мэшекли, а по лѣвому берегу: Дая-Хатынъ, Дарганъ-Баба, Коша-Кала, Эшекъ-Рабатъ, Акъ-Рабатъ, Седуверъ и др. Назначеніе этихъ остатковъ древности было охранять сообщеніе торговое и границы Бухарскаго ханства отъ набѣговъ хищническихъ партій. Поэтому одни изъ нихъ были устроены какъ довольно значительныя по величинѣ крѣпости, а другіе — только какъ укрѣпленные караванъ-сарай, въ которыхъ могли бы найти защиту, во время ночлеговъ и дневокъ, проходящіе караваны. Къ первымъ можно отнести развалины Дарганъ-Баба и крѣпость Кызъ-Кала, помѣщающуюся на горѣ, верстахъ въ трехъ отъ рѣки, и получавшую воду изъ подземнаго канала, взятаго изъ рѣки. Слѣдъ отъ этого канала и колодезь въ крѣпости, доходившій до окончанія канала, еще сохранились. Сохранились даже деревянныя части надъ колодцемъ для ворота, которымъ поднимали воду по колодцу изъ канала; колодезь этотъ выложенъ жженымъ кирпичемъ и сохранился превосходно. Въ же остальные развалины не болѣе, какъ остатки караванъ-сарая (*).

*) О крѣпостяхъ и развалинахъ, видящихся по берегамъ рѣки,

За урочищемъ Дые-Баюнъ („верблюжья шел“),—гдѣ Аму-Дарья прорывается между двумя скалами, выдающимися, какъ два зуба и оставляющими для рѣки проходъ въ 160 сажень ширины,—возвышенности праваго берега отходятъ совсѣмъ въ сторону, а по лѣвому возвышенности еще тянутся версты на десять, почти до города Хазаръ-Аспъ; затѣмъ и здѣсь возвышенности ованчиваются и начинается знаменитый Хивинскій оазисъ. На правомъ берегу оазисъ имѣетъ въ ширину только 10 — 15 версты и держится этой ширины почти до самаго укр. Нукусъ, т. е. до начала дельты. Но на лѣвомъ берегу свободная отъ песковъ земля, начиная отъ города Хазаръ-Аспъ, постепенно расширяется и достигаетъ, противъ бугра Бйшивъ-Гыръ, ширины версты до 60-ти. За городомъ-же Куни-Ургенчемъ и укр. Нукусомъ земледѣліе могло-бы занять громадное пространство, если-бы не мѣшали: во-первыхъ, разлитіе Аму-Дарьи, затопляющей почти всю дельту, и, во-вторыхъ, малолодіе. Почва Хивинскаго оазиса есть лёсъ *), дающій богатые урожаи при орошеніи. Дождей въ этихъ мѣстахъ не бываетъ и вся жизнь поддерживается исключительно орошеніемъ, а послѣднее требуетъ множества рукъ. Здѣсь рѣдкіе роды хлѣбовъ и растений обходятся тремя-

между уроч. Дые-Баюнъ и укр. Кабаклы, сохранились преданія, мало достоверныя, помимо своей сверхъестественности, уже потому, что такія-же легенды встрѣчаются и въ совершенно другихъ мѣстностяхъ.

*) Лёсъ (Löss), какъ извѣстно, принадлежитъ къ юнымъ геологическимъ образованіямъ, именно къ дилювію, формациі, названной Ляйэллемъ—плейстоценовой. Въ новѣйшее время удалось указать, что лёсъ встрѣчается не только по нѣкоторымъ долинамъ средней Европы, но и въ разныхъ мѣстахъ Стараго Свѣта. Лёсъ—это мергель, содержащій въ себѣ отъ 22% до 42% веществъ (большую частью углекислой извести), растворяющихся въ кислотахъ. Онъ въ водѣ быстро распадается на куски и разсыпается въ порошокъ; встрѣчается онъ безъ напластованія. Такъ какъ въ типичномъ лёсѣ найдены были только сухопутныя раковины (изрѣдка прѣсноводныя), а также кости млекопитающихъ, то объясняли образованіе этой формациі отложеніемъ пла во время поводія. Самыя характерныя раковины, встрѣаемыя въ ней, слѣдующія: *Succinea oblonga*, *Pupa muscorum*, *Helix hispida*. Лёсъ представляетъ весьма плодородную почву. Въ заключеніе прибавимъ, что Рихтгофенъ указалъ на распространеніе этой формациі, на огромномъ пространствѣ, въ Китаѣ, гдѣ мощность ея иногда достигаетъ отъ 800 до 1000 метровъ. Знаменитый геологъ предполагаетъ, что образованіе огромныхъ массъ лёса слѣдуетъ приписать не дѣйствию воды, но вѣтра.

Прим. Г. И. Сиверса.

четырьмя поливками, большинство же может быть посвяно только на землѣ, политой 10 — 15 разъ и насытившейся, такъ сказать, влажностью, а другія растенія требуютъ поливки во все время роста своего. Отъ этого выходитъ, что въ Хивинскомъ оазисѣ, не смотря на его незначительность, много пустопорожныхъ земель. Наибольше густо населены мѣстности около гор. Хивы и между этимъ городомъ и городами: Новый-Ургенчъ, Ханка, Клычъ-Ніазъ-Бай и Ташъ-Хаузъ. Далѣе къ западу населеніе рѣдветъ и тянется только по берегу Аму-Дарьи, да по Дарьялыку, близъ котораго проходитъ и каналъ Клычъ-Ніазъ-Бай. А между этими двумя водоносными жилами залегаетъ пустырь, продолжающійся далеко, чуть не до Аральскаго моря. Окраиною осѣдлаго населенія съ Ю. служатъ Куни-Ургенчъ, а съ З. Кунградъ, отдѣленный отъ гор. Ходжейли чуть не на 100 верстъ также незаселеннымъ пустыремъ, по которому бродятъ кочующіе киргизы, подданные хана. Перебираются сюда съ своими стадами на зиму съ р. Эмбы и наши оренбургскіе киргизы.

Окраины оазиса занимаютъ пески: съ сѣвера кизиль-кумы, тянущіеся до самой Сыръ-Дарьи, а съ юга тѣ пески, которые наполняютъ все пространство до границъ Мервекаго и Ахаль-Текинскаго оазисовъ. Лѣсовъ въ восточной части оазиса нѣтъ, но на З., по бывшему каналу Лаузанъ и между нимъ и каналомъ Сюэлли, все покрыто сплошнымъ гребенщикомъ и джидою (пшпатовъ), перемѣшанными съ камышемъ, такъ что здѣсь составляетъ такая непроницаемая чаща, черезъ которую нельзя ни пройти, ни проѣхать. Здѣсь-то и водятся: тигры, кабаны, волки, шакалы, дикія кошки и неизвѣстные еще въ зоологіи звѣрки кара-гулакъ, сопутствующіе постоянно тигру и дающіе знать о близкомъ сосѣдствѣ тигра особеннымъ своеобразнымъ лаемъ.

За Куни-Ургенчемъ на западъ тянется еще верстъ на 25 — 30 полукочевое населеніе туркменъ-іомудовъ, получающихъ воду изъ канала Кушъ-Беги, взятаго изъ канала Ханъ-Ябъ, который, въ свою очередь, получаетъ воду изъ Аму-Дарьи черезъ каналъ Сюэлли. Далѣе начинается сплошная глинистая равнина, заросшая саксауломъ и носящая слѣды бывшей когда-то обработки до самыхъ оз. Сары-Камышъ. Равнина эта ограничена съ С. обрывами Усть-Урта, а съ Ю. горами Чагылы-Киришъ, Калалы-Гыръ и Дузь-Гыръ, такъ что ея ширина чуть-ли не въ 80 верстъ. По ней-то и проходятъ всѣ старыя русла, выше пере-

численные, и каналъ Шамратъ, когда-то, во времена Медэмй-хана, въ 1840—1850 годахъ, питавшій не малое населеніе. На этой равнинѣ видны развалины большихъ городовъ: Деу-Кескена, Діарбекира, Измукшира, Деуданъ-Кала, Калалы-Гыръ, Акъ-Чегэли, Тарпакъ-Кала, Акъ-Кала и многихъ другихъ, названій которыхъ никто не знаетъ и отъ которыхъ сохранились незначительные лишь слѣды. Здѣсь, на этой равнинѣ, находятъ множество монетъ, и персидскихъ, и монгольскихъ, и съ кувчинскими письменами, что служитъ признакомъ, что здѣсь-то и было древнее Хаварезмское царство, столица котораго Хаварезмъ, разрушенная Чингизъ-ханомъ, находилась на мѣстѣ нынѣшняго Куни-Ургенча. Вся равнина эта почти свободна отъ песковъ и можетъ вмѣстить большое населеніе, — только-бы провести воду въ каналы или въ одно изъ старыхъ руселъ, по ней пробѣгающихъ, и она возродится къ жизни. А такое возрожденіе было уже ровно 35 лѣтъ тому назадъ, когда по каналу Лаузанъ изъ Аму-Дарьи ринулась вода въ большомъ количествѣ и, наполнивъ Дарьялыкъ, дошла до оз. Сары-Камышъ. Это сдѣлалось не разомъ, а изъ года въ годъ. По Лаузану въ то время жили каракалпаки (переселившіеся теперь въ дельту). Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ каналъ Лаузанъ былъ весьма незначительнымъ оросительнымъ каналомъ, а Аму-Дарья имѣла здѣсь совсѣмъ другое очертаніе. Съ измѣненіемъ фигуры въ изгибѣ, который дѣлала тутъ Аму-Дарья, вода стала бить въ каналъ Лаузанъ и дѣлать его бѣльшимъ и бѣльшимъ до-тѣхъ-поръ, покуда не обратила его въ значительный протокъ. Изъ канала Лаузанъ вода затопила всю мѣстность между городами Куни-Ургенчъ и Ходжейли и пролилась въ Айбугирскій заливъ. Но потомъ она прорыла себѣ еще ходъ въ Дарьялыкъ и наполнила водою оз. Сары-Камышъ, уже въ то время почти пересохшее. Видя такое обиліе въ водѣ, туркменъ Егень-Клычъ, ровно 35 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ 1843 году, построилъ на Дарьялыкѣ плотину, носящую и до-сихъ-поръ его имя. Хотя ее и сорвало вскорѣ, но вмѣсто нея поставили сначала одну, а когда и эту снесло, то и другую, оставшуюся до-сихъ-поръ подъ именемъ Егень-Клычъ-Бентъ, т. е. плотины Егень-Клыча. Задержанная здѣсь вода пошла на орошеніе прилегающихъ земель; но склонъ мѣстности тутъ такъ силенъ, что вода обходила плотину и, наконецъ, ринулась на югъ, во второе старое русло Деуданъ, мимо уроч. Бастырмалла-Авлиа, къ оз. Тююкюлю, наполнила его и пролилась по древне-

му руслу опять таки въ оз. Сары-Камышъ. Прорытъ изъ оз. Тююкюлю заперли плотиною (которую вода уничтожила) и начали занимать всѣ земли по обѣ стороны Дарьялыка и Деудана. Въ это время былъ поводенъ сильно и каналъ Шамратъ, изъ котораго вода прорвалась также въ старое русло Деуданъ, близъ урочища Моминъ-Ую, а вельдствіе этого начали эксплуатировать земли по этому старому руслу (Деудану). Тогда-же былъ прорытъ громадный каналъ Сопай-Ябъ, названный такъ потому, что всѣ земли, имъ орошавшіяся, были розданы Медэмій-ханомъ чиновникамъ своимъ, называвшимся сопай. Но со смертію Медэмій-хана, убитаго въ Мервѣ, который онъ пошелъ усмирять, все стало рушиться, а преемники его, не умѣвшіе обуздать туркменъ силою, начали смирать ихъ лишеніемъ воды и наводненіями. Ханъ Сеидъ-Магомедъ (отецъ настоящаго), 23 года тому назадъ, закрылъ устье каналовъ Лаузана и Мангытъ-Арна плотинами, перваго — совершенно, а втораго — настолько, насколько необходимо было для пропуска воды къ жителямъ города Мангытъ. Послѣдствіемъ этого было осушеніе озеръ по обѣ стороны Лаузана, уничтоженіе сѣдлаго населенія въ Куни-Ургенчѣ и обезлюденіе всего пространства по Дарьялыку отъ самаго города Кокъ-Чегэ, потому что и самый городъ Кокъ-Чегэ долженъ былъ выселиться въ другое мѣсто, и крайнимъ населеннымъ узбеками пунктомъ сдѣлался городъ Клычъ-Ніазъ-Бай. Каналы: Шамратъ, Сопай-Ябъ, Мехтеръ-Ярганъ, Ханъ-Ябъ и другіе уничтожились и Айбугирскій заливъ высохъ. Недостатокъ воды заставилъ туркменъ-юмудовъ, гокленовъ и другихъ покориться; но чоудары, бывшіе до того времени сторонниками хана, стали сопротивляться. Чоудары жили и живутъ между Аму-Дарьею и каналомъ Клычъ-Ніазъ-Бай и воду къ нимъ остановить мудрено, такъ какъ тогда пришлось-бы лишить воды значительное узбекское населеніе въ городахъ Мангытъ, Гурленъ, Кытаъ и Клычъ-Ніазъ-Баѣ. Мѣсто, ими занимаемое, низменное, и, дождавшись, когда они произвели посѣвы, на земли ихъ пустили съ разныхъ сторонъ воду, и чоудары принуждены были бѣжать, а потомъ смирились, видя невозможность сопротивленія. Такими мѣрами Сеидъ-Магомедъ-ханъ смирилъ туркменъ, но о возобновеніи прежнихъ ирригаціонныхъ сооруженій и не думалъ, а, напротивъ, передалъ и сыну своему то-же нежеланіе возстановить все, что сдѣлано было Медэмій-ханомъ. Настоящій ханъ рѣшился только возобновить городъ Кокъ-Чегэ, да пропустить

воду по новому каналу, проведенному изъ канала Сюэлли, черезъ Лаузанъ, въ Куни-Ургенчъ, возникшій вновь 9 лѣтъ тому назадъ и передающій избытокъ своей воды въ незначительныя кочевья іомудовъ, расположенныя на западъ отъ Куни-Ургенча, между Дарьялыкомъ и обрывами Усть-Урта.

Вода въ Аму-Дарьѣ всегда мутна: и лѣтомъ, и зимою, и во время замерзанія ея, продолжающагося рѣдко мѣсяцъ. Количество примѣсей въ ней весьма велико, и этотъ фактъ настолько важенъ, что онъ долженъ быть изслѣдованъ весьма подробно, хотя и во время работъ 1876—1877 годовъ на это было обращено большое вниманіе. При каждомъ половодіи, бывающемъ два раза въ годъ, въ маѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, примѣси увеличиваются въ громадномъ количествѣ, обусловливаясь быстротою теченія воды и слабостью состава береговъ, легко уступающихъ дѣйствию воды. Вода поднимается въ Аму-Дарьѣ иногда до 2 сажень противъ низкаго уровня и, конечно, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ не принято предосторожностей, даже непрерывныя дамбаы, высотой часто болѣе 7 ф., не могутъ защитить береговъ отъ напора воды, которая заливаешь окрестности, оставляя на нихъ всѣ землистыя частицы, ею принесенныя. Но теперь, при наблюденіи за дамбами, прорывы рѣдки и вся масса осадковъ уносится въ Аральское море, все болѣе и болѣе его засыпая. Это явленіе еще не получило должной оцѣнки, а между тѣмъ оно можетъ измѣнить значительно взгляды на причину поворота Аму-Дарья, въ особенности если принять во вниманіе громадную массу воды и скорость ея теченія, достигающую у тѣсины Дые-Баюнъ 11 футовъ въ секунду, а во многихъ мѣстахъ, какъ, напр., у Чарджуя (на Бетикской переправѣ), на Шабасъ-Валійской переправѣ и близъ Нукуса, свыше 6-и футъ въ секунду, при самой малой водѣ. Скорость теченія имѣеть первостепенное значеніе только для вопроса о судоходствѣ, между тѣмъ какъ количество воды, несомой рѣкою, обусловливаетъ и вопросъ о пропускѣ части ея въ старое русло, съ цѣлью обводненія его, если не до Каспія, то хотя до оз. Сары-Камышъ. По сдѣланнымъ наблюденіямъ, Аму-Дарья несетъ у укр. Нукуса, — гдѣ уже кончаются всѣ арыки и гдѣ начинается дельта, въ которой непроизводительно тратится вся сила рѣки, — слишкомъ 100 кубическихъ сажень въ секунду (34300 куб. футовъ) въ малую воду и болѣе 200 куб. сажень въ половодіе. Выше мы уже видѣли, что отъ Чарджуя до укр. Кабаклы все годное къ земледѣлію про-

странство занято и обработано, а далѣе внизъ до города Хазарь-Аспъ осѣдлаго населенія не можетъ быть. Въ Хивинскомъ же оазисѣ, на правомъ берегу Аму-Дарьи, удобная земля тянется узкою полосой и вся также орошена и обработана, а на лѣвомъ берегу, хотя встрѣчаются пустыри, но большая часть ихъ лежитъ внизу, послѣ образованія дельты, т. е. на западъ отъ линіи, проходящей чрезъ города Куни-Ургечъ и Ходжейли и укр. Нукусъ. Стало быть, расходъ на орошеніе не можетъ увеличиться значительно, даже еслибы весь Хивинскій оазисъ былъ обработанъ и орошенъ, такъ какъ только въ немъ одномъ еще возможно проведеніе новыхъ оросительныхъ каналовъ; а такъ какъ теперь многіе каналы несутъ такъ много воды, что она разливается понапрасну, образуя цѣлыя озера въ послѣднемъ старомъ руслѣ (Тону-Дарья) и въ Деуданѣ, то можно сказать, что еслибы регулировать орошеніе надлежащимъ образомъ, то расходъ воды изъ Аму, и при полномъ заселеніи Хивинскаго оазиса, не увеличится, а, можетъ быть, даже и уменьшится и, слѣдовательно, въ Аму, за всѣми расходами, останется то количество воды, какое имѣется теперь у Нукуса, т. е. свыше 100 куб. сажень въ малую воду и до 200 куб. сажень въ половодіе. Для пропуска воды въ старое русло до оз. Сары-Камышъ нужно не много воды. Прежній каналъ Лаузанъ имѣлъ до тридцати сажень ширины и въ среднемъ не болѣе 7 футъ глубины при покой, конечно, водѣ, когда скорость была отъ 3 до 4 футъ въ секунду; слѣдовательно, онъ несъ 5145 куб. фут. въ секунду или 15 куб. сажень. Но изъ этого количества большая часть воды, разливаясь между городами Ходжейли и Куни-Ургенчемъ, пропадала въ Айбургирскомъ заливѣ и только меньшая, едва-ли болѣе 5 куб. саж. въ секунду, доходила до стараго русла и далѣе до оз. Сары-Камышъ. Если остановиться на этомъ количествѣ, т. е. на 5 куб. саженьхъ въ секунду, какъ на такомъ, котораго совершенно достаточно, по прежнимъ примѣрамъ, для обводненія стараго русла, то можно быть вполне увѣреннымъ, что рѣка Аму-Дарья не потеряетъ ни одного изъ своихъ качествъ, при отдѣленіи изъ нея $\frac{1}{20}$, а въ лѣтнюю пору $\frac{1}{40}$ отъ всей массы воды, которую она несетъ. А между тѣмъ и этого количества будетъ вполне достаточно, чтобы возратить къ жизни всѣ земли на Ю. и Ю.-З. отъ Куни-Ургенча, замертвѣвшія съ поворотомъ рѣки къ Аральскому морю, и для этого нѣтъ надобности въ особенныхъ затратахъ. Тутъ все дѣло въ земляныхъ работахъ. Нужно открыть старое

устье Лаузана или, еще лучше, воспользоваться каналом Сюэлли, пустивъ воду изъ него въ Лаузанъ, а для населенія города Ходжейли вырыть другой каналъ, немного ниже. Здѣсь, въ этомъ краткомъ очеркѣ, не мѣсто разбирать, почему именно обводненіе стараго русла должно произвести черезъ каналъ Лаузанъ или по каналу Сюэлли,—достаточно сказать, что тутъ работъ потребуется меньше всего и, главное, можно быть увѣреннымъ, что произведенныя работы принесутъ ту пользу, какой отъ нихъ можно ожидать, безъ опасенія, что въ будущемъ, отъ измѣненія въ фарватерѣ рѣки, послѣдуетъ и закрытіе каналовъ для доступа въ нихъ воды, какъ это легко можетъ случиться при проведеніи канала изъ другого какого-либо мѣста.

Однимъ словомъ, произведенными изслѣдованіями, подробный отчетъ о которыхъ появится по окончательной обработкѣ всѣхъ данныхъ, несомнѣнно выяснено, что къ пропуску воды по старому руслу, Дарьялыку, отъ настоящаго направленія рѣки до оз. Сары-Камышъ никакихъ препятствій нѣтъ и всѣ сомнѣнія въ томъ, что вода можетъ не пойти, должны быть оставлены, такъ-же какъ и опасенія за то, что пропускъ воды въ старое русло лишитъ рѣку возможности быть судоходною. Только Хивинскій ханъ можетъ противиться проекту обводненія стараго русла, изъ боязни непослушанія туркменъ, сдерживающихся только страхомъ не получать воды; но въ настоящее время и опасенія хана едва-ли могутъ имѣть мѣсто.

Н. Петрусовичъ.

XXIV 189
802-90
3259-0

ИЗВѢСТІЯ
КАВКАЗСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ VI.

1879 годъ.

№ 1.

Отчетъ о дѣятельности и состояніи Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ 1877—78 гг. *)

Прежде, нежели приступимъ къ обзорѣнью дѣятельности Отдѣла за истекшее двухлѣтіе, укажемъ на наличныя его силы. Во-первыхъ, въ числѣ членовъ Отдѣла есть личности, занимающіяся изученіемъ Кавказа. Въ послѣднее время Отдѣлъ приобрѣлъ новыхъ членовъ, которые своими трудами могутъ принести пользу географической наукѣ. Во-вторыхъ, Отдѣлъ считаетъ въ числѣ своихъ сочленовъ лицъ, завѣдывающихъ учрежденіями, дѣятельность которыхъ соприкасается близко съ его задачами. Далѣе, въ послѣднее двухлѣтіе снаряжались экспедиціи и устраивались комисіи для рѣшенія вопросовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ географіи края. Въ этихъ экспедиціяхъ и комисіяхъ принимали участіе наши сочлены, которые и помѣстили въ „Извѣстіяхъ“ Отдѣла статьи и замѣтки, исполненныя научнаго интереса. Вообще не было въ краѣ ни одного важнаго для географической науки предпріятія, въ которомъ-бы прямо или косвенно не принималъ участія нашъ Отдѣлъ. Вотъ почему въ отчетѣ о дѣятельности его за послѣднее двухлѣтіе мы невольно дол-

*) Отчетъ былъ читанъ въ Общемъ Собраніи Отдѣла, 23 декабря 1878 г., правителемъ дѣлъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

НАУЧНЫЯ ДАННЫЯ.

Краткія свѣдѣнія о туркменскомъ населеніи между старымъ русломъ Аму-Дарьи (Узбоемъ) и сѣверными окраинами Персіи *).

Вся обширная и незаселенная степь между Аму-Дарьею и Каспійскимъ моремъ опоясана, какъ кольцомъ, туркменскими кочевьями. Кольцо это прорвано только съ сѣверной стороны, по линіи стараго русла Аму-Дарьи (Узбоа), гдѣ недостатокъ воды обусловливаетъ полное отсутствіе поселеній. Разсмотримъ, какъ размѣстились туркмены съ прочихъ сторонъ степи. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, слѣдуетъ сдѣлать краткій топографическій очеркъ мѣстностей, занятыхъ туркменами.

Отъ Красноводска и Балханскаго залива протягивается по прямой линіи, верстъ на 400, длинный хребетъ, прорванный въ двухъ мѣстахъ. Часть хребта, находящаяся между первымъ прорывомъ и Балханскимъ заливомъ (въ который когда-то текла Аму-Дарья), носитъ названіе Большихъ Балхановъ; вторая часть хребта, заключающаяся между первымъ и вторымъ прорывомъ, называется Малыми Балханами, а отъ второго прорыва, далѣе къ Ю., до половины всей длины горной системы, хребетъ извѣстенъ подъ названіемъ Кюренъ-дага; вся-же остальная часть носитъ названіе Копепеть-дага или Даманъ-и-кухъ. Послѣдній хребетъ у крайнихъ сѣверныхъ предѣловъ Персіи, близъ провинціи Дерегеза, соединяется съ вѣтвью Эльбурскаго хребта, идущаго отъ Астрабада въ сѣверо-восточномъ направленіи. Далѣе къ В. отроги Эльбурскаго хребта приходятъ въ связь съ Паропамизскимъ хребтомъ, за которымъ слѣдуетъ Гинду-Кушъ. Съ сѣверной стороны Балхановъ, Кюренъ-дага, Копепеть-дага и Паропамизскаго хребта разстилается необозримая степь, доходящая до стараго русла Аму-Дарьи (Узбоа) и Усть-Урта и ограниченная съ В. теченіемъ Аму-Дарьи. Въ этой степи находится нѣсколько оазисовъ,—объ нихъ рѣчь потомъ.

На югѣ, между хребтомъ Копепеть-дагомъ, сѣвальною вѣтвью Эльбурскаго хребта и Каспійскимъ моремъ, образуется треугольникъ, вершину котораго составляетъ узелъ соединенія хребтовъ Копепеть-дага и Эльбурскаго, бока—оба эти хребта, а основаніе—восточный берегъ Каспійскаго моря отъ Балханскаго залива до устьевъ рѣкъ Атрека и Гургена. Вся вообще мѣстность въ треугольникѣ постепенно понижается отъ вершины къ основанію. Съ

*) Помѣщаемыя свѣдѣнія почерпнуты изъ статьи нашего многоуважаемаго изслѣдователя Туркменіи Н. Г. Петрусевича, читанной имъ въ общемъ собраніи Кавказскаго Огдѣла И. Р. Географическаго Общества, въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года.

южной стороны ея вытекает .Атрекъ, который, прорвавшись сквозь Эльбурскiй хребетъ, входитъ въ треугольникъ, отходить на довольно значительное разстоянiе къ сѣверу, затѣмъ поворачиваетъ къ Ю.-З., потомъ принимаетъ западное направление и вливается въ Каспiйское море. Въ треугольникѣ, между Атрекомъ и Эльбурскимъ хребтомъ, беретъ начало и Гургенъ, впадающiй въ Каспiйское море, верстъ на 20 къ Ю. отъ Атрека. Верстъ на 100 не доходя до Каспiйскаго моря, въ Атрекъ впадаетъ съ сѣвера Сумбаръ, самый значительный его притокъ. Мѣстности по обѣ стороны Атрека, въ особенности на лѣвой его сторонѣ, годны къ развитiю въ нихъ культуры въ большихъ размѣрахъ. Въ этихъ мѣстностяхъ растутъ: рисъ, хлопокъ, грецкiй орѣхъ, персики, лимонныя и апельсинныя деревья.

Съ сѣверной стороны отъ вышеозначенной горной системы лежитъ нѣсколько оазисовъ. Во-первыхъ, къ сѣверу отъ Копепетъ-дага тянется орошенный рѣчками и ручьями, текущими съ сѣверной покатости Копепетъ-дага, оазисъ Ахаль. Длина его почти 250 верстъ, ширина по окраинамъ 20—30 верстъ, а близъ середины доходить до 60-ти верстъ. Съ сѣверной стороны оазиса залегаютъ пески, доходящiе до Узбоа.

Верстахъ въ 200 отъ Ахала, къ В., находится другой оазисъ, расположенный по теченiю р. Мургъ-абъ, вытекающей изъ сѣвернаго склона Паропамизскаго хребта. Это—Мервъ. Между названными двумя оазисами протекаетъ р. Герри-рудъ (называемая у туркменъ Тедженъ-дарьею или Сарахсъ-дарьею). Герри-рудъ беретъ начало съ южнаго склона Паропамизскаго хребта и, прошедши почти въ прямомъ направлении съ В. на З. до 400 верстъ, поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ на сѣверъ. У начала поворота рѣка прорывается сквозь отроги Паропамизскаго и Эльбурскаго хребтовъ и затѣмъ выбѣгаетъ въ степи между Ахаломъ и Мервомъ, гдѣ, на одной параллели съ Ахаломъ, теряется въ разливахъ. Между Герри-рудомъ и Мургъ-абомъ, разбросаны, въ видѣ оазисовъ, пески по глинистой равнинѣ, годной для культуры. На этомъ пространствѣ видны слѣды бывшихъ поселенiй и каналовъ, проведенныхъ изъ Мургъ-аба въ прежнее время. Въ особенности замѣчателенъ большой каналъ Кара-ябъ, конецъ котораго приближается на 60—70 верстъ къ р. Герри-руду. По этому каналу теперь уже не идетъ вода, такъ какъ вода изъ Мургъ-аба разбирается жителями на орошенiе своихъ полей.

Дальше, къ В. отъ туркменской степи, тянется большой Хивинскiй оазисъ, орошаемый множествомъ каналовъ и канавъ, отведенныхъ изъ Аму-Дарьи.

Мѣстности, лежащiя къ С. отъ Копепетъ-дага и Паропамизскаго хребта, имѣютъ другой характеръ, нежели страны, расположенныя къ Ю. отъ нихъ. Сухость воздуха въ Средней Азiи вообще, а въ песчаной пустынѣ, заключающейся между Каспiйскимъ моремъ и Аму-Дарьею, въ особенности, такъ велика, что испаренiе уничтожаетъ иногда значительные горные ручьи. Усыханiе или

обмельніе ручьевъ происходитъ и отъ фильтраціи, которая здѣсь весьма значительна, такъ какъ горы по бѣльшей части обнажены отъ лѣсовъ и всякой растительности и горныя породы, разрушаясь, заваливаютъ долины на значительную толщину обломками, представляющими собою такую рыхлую среду, которая именно способна пропускать сквозь себя воду. Вслѣдствіе этого, родники и ручьи, не особенно обильные водою, черезъ самое короткое время послѣ своего истока, исчезаютъ подъ поверхностью земли, а это явленіе еще болѣе увеличиваетъ сухость воздуха. Въ прежнее время, когда горы, расположенныя на югѣ, были покрыты лѣсомъ и Аму-Дарья протекала по своему старому руслу въ Каспійское море, ручьи, по-крайней-мѣрѣ болѣе обильные водою, доходили, вѣроятно, до Аму-Дарьи или до Герри-руда, которая впадала въ Аму-Дарью сѣвернѣе Ахала. Потомъ все это измѣнилось; ручьи и рѣки, вслѣдствіе изложенныхъ причинъ, остановились въ степяхъ, которыя и были заняты песками. Кромѣ того, степь стала подаваться все болѣе и болѣе къ югу также вслѣдствіе огромнаго расхода воды, разбираемой на орошеніе, при которомъ только въ средне-азіатскихъ пустыняхъ и возможно земледѣіе.

Почти кругомъ незаселенной степи между Аму-Дарьею и Каспійскимъ моремъ размѣстились туркмены разныхъ племенъ, подраздѣляющихся на отдѣленія и роды. Туркменскія племена состоятъ по бѣльшей части во враждѣ между собою. Болѣе многочисленныя племена: эръсари, іомуды и текинцы. Посмотримъ, какъ размѣстились эти и другія туркменскія племена.

На В. туркменами занятъ лѣвый берегъ Аму-Дарьи, почти отъ Бухарскаго города Чарджуя до гор. Ходжа-Сала, принадлежащаго уже къ авганскимъ владѣніямъ. Во-первыхъ, верстъ на 20 выше Чарджуя, по Аму-Дарьѣ, живетъ племя сакаръ, числомъ до 3.000 кибитокъ или семей. Отъ нихъ верстъ на 25 вверхъ по рѣкѣ расположились два рода: саяты и эски (вмѣстѣ кибитокъ до 200), принадлежащіе къ племени чоудоръ, а за ними, на Ю.-В., начинаются сплошныя поселенія племени эръсари, тянущіяся вдоль рѣки до авганской границы и переходящія даже въ авганскую территорію. Племя эръсари раздѣляется на 4 отдѣленія, изъ которыхъ три отдѣленія живутъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, а одно уже на правомъ берегу рѣки. Численность названнаго племени, одного изъ самыхъ многочисленныхъ между прочими туркменскими племенами, можно опредѣлить въ 30.000 кибитокъ или семей. Всѣ перечисленныя племена отдѣлены отъ южной границы русскихъ туркестанскихъ владѣній землями Бухарскаго ханства почти на 300 версть.

На востокъ-же, въ западной части Хивинскаго оазиса, расположились: іомуды отдѣленія *байрамъ-шалы* (одно изъ двухъ отдѣленій, на которыя подраздѣляются іомуды), числомъ отъ 15 тыс. до 20 тысячъ кибитокъ. Изъ другого отдѣленія іомудовъ—кара-чука въ Хивинскомъ ханствѣ живетъ только до 1.000 кибитокъ. Сѣвернѣе іомудовъ байрамъ-шалы, между послѣдними и по-

селеніями узбекскими Хивинскаго ханства, живутъ туркмены племени чоудоръ. Въ Хивинскомъ-же ханствѣ встрѣчается и часть туркменъ-гоклановъ (около 2.000 семей), главная масса которыхъ кочуетъ на сѣверѣ Персіи.

У Каспійскаго моря и недалеко отъ него, на сѣверной сторонѣ рѣки Гургена, между этою рѣкою и Атрекомъ и сѣвернѣе этой послѣдней рѣки, расположились іомуды отдѣленія карачука. Общая численность ихъ простирается до 15.000 кибитокъ. Отдѣленіе карачука дѣлится на два колѣна: шарифъ-джафарбай (8.000 кибитокъ) и акъ-атабай или чони (7.000 кибитокъ). Первое колѣно живетъ или по побережью Каспійскаго моря, или по близости его, второе — восточнѣе. Далѣе, все отдѣленіе карачука, по роду своей жизни, дѣлится на осѣдлыхъ, занимающихся земледѣліемъ и носящихъ названіе чомуръ, и кочевыхъ, называющихся чорва. Всѣхъ чомуровъ 6.000 семей (3.500 джафарбаевъ и 2.500 атабаевъ); изъ нихъ 5.000 кибитокъ остаются постоянно на персидской территоріи (а именно въ Астрабадской провинціи), а 1.000 семействъ живутъ нѣсколькими большими аулами въ русскихъ предѣлахъ, на сѣверномъ берегу Атрека и къ С. отъ Красноводскаго залива. Всей чорвы 9.000 кибитокъ (по 4.500 въ каждомъ колѣнѣ). Зимнее время, съ ноября до первыхъ чиселъ марта, они проводятъ время на персидской территоріи, остальное же время года (8 мѣсяцевъ)—въ русскихъ предѣлахъ, къ С. отъ Атрека, причемъ джафарбаевцы занимаютъ мѣстности, смежныя съ Каспійскимъ моремъ, почти по срединѣ разстоянія между устьемъ Атрека и Балханскимъ заливомъ, а вторые—земли, прилежащія къ теченію Сумбара, главнаго притока Атрека (съ правой стороны).

Къ С. отъ Красноводска, на пространствѣ между Красноводскимъ заливомъ и Кара-бугазомъ, кочуютъ постоянно туркмены шихцы (шихляры). По сосѣдству съ ними и съ киргизами, на Мангышлакѣ, отъ Кара-бугаза до мыса Тюбъ-карагана, кочуютъ туркмены различныхъ племенъ. Точно также представляютъ смѣсь племенъ и туркмены-огурджалинцы, живущіе на островахъ Челекенѣ и Огурчинскѣ. Занятія ихъ: рыбная ловля и добываніе нефти. Всѣхъ закаспійскихъ туркменъ, кочующихъ постоянно въ русскихъ предѣлахъ (считая тутъ и 1.000 кибитокъ джафарбаевцевъ), насчитывается до 3.000 семействъ.

Восточнѣе іомудовъ, между рѣками Атрекомъ и Гургеномъ, расположились туркмены-гокланы, признающіе надъ собою власть Персіи. Общая численность ихъ доходитъ до 4 тыс. кибитокъ. Гокланы занимаютъ волнистую мѣстность между предгорьями Копенетъ-дага и Эльбурскаго хребта, составляющую часть того треугольника, о которомъ было говорено выше. Страна эта представляетъ обиліе земель, годныхъ для культуры; въ ней обиліе воды, пастбищъ и лѣсу, а между тѣмъ она слабо заселена. Причиною этому туркмены-текинцы, уничтожившіе въ ней множество населенныхъ пунктовъ; развалины ихъ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ.

Текинцы — это одно изъ самыхъ многочисленныхъ туркменскихъ племень. Они занимають два, довольно плодородныхъ, оазиса: Ахаль и Мервъ. Ахаль-текинцы заняли свой оазисъ въ началѣ XVIII в., во время шаха Тахмаспа, и до начала настоящаго столѣтія они ограничивались предѣлами его. Но увеличеніе населенія принудило текинцевъ отыскивать себѣ новыя земли. Сперва часть ахаль-текинскаго населенія пыталась утвердиться на Герри-рудѣ, гдѣ и основала тамъ укрѣпленіе Тедженъ (отчего и р. Герри-рудъ названа была ими Тедженъ-даръею); но грабежи, производимые въ Персіи переселенцами, вооружили противъ нихъ персіянъ; текинцы были прогнаны съ береговъ Герри-руда, отправились дальше на В. и двадцать лѣтъ тому назадъ перебравшись въ Мервъ, на Муръгъ-абъ, оттѣснивъ жившихъ тамъ сарыковъ вверхъ къ истокамъ этой рѣки. Всѣхъ деревень въ Ахаль насчитываютъ до 50-ти, а цифра населенія, по распроснымъ свѣдѣніямъ, полагается приблизительно въ 30.000 кибитокъ или семей. Численность текинцевъ въ Мервѣ доходитъ почти до 50.000 кибитокъ или 250.000 душъ обоого пола. Такая, сравнительно, значительная цифра жителей обуславливается не только приращеніемъ населенія, но и переселеніями изъ Ахала, а также водвореніемъ на оазисѣ военно-плѣнныхъ. Текинцы Ахала и Мерва составляютъ одно и то-же племя. Оно раздѣляется на два большія отдѣленія: тохтамышъ и отамышъ. Каждое изъ нихъ дѣлится на колѣна, а тѣ, въ свою очередь, на роды. Въ обоихъ оазисахъ живутъ части однихъ и тѣхъ-же родовъ и даже родные братья.

Вверхъ по теченію рѣки Муръгъ-аба живутъ туркмены-сарыки; они занимають двѣ мѣстности на этой рѣкѣ: Панджъ-дехъ (у подножій отроговъ Паропаμισскаго хребта) и Юлетанъ (лежащій на 100 верстъ ниже урочища Панджъ-дехъ). Сарыки дѣлятся на 5 отдѣленій. Общая численность всѣхъ сарыковъ принимается почти въ 13.000 семей. Кромѣ земледѣлія, сарыки занимаются скотоводствомъ; ихъ большія стада пасутся на привольныхъ мѣстахъ сѣверныхъ склоновъ Паропаμισскаго хребта. Овцы ихъ принадлежать къ особой породѣ, отличающейся отъ другихъ средне-азіятскихъ породъ овецъ своею величиною. Кромѣ овецъ, у сарыковъ не мало верблюдовъ.

Въ Мервѣ живутъ и салыры, потерявшіе свою свободу и независимость всего девять лѣтъ тому назадъ. Въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія они жили на Герри-рудѣ, въ Старомъ Сарахсѣ; но за отчаянные грабежи, которые они производили въ Хорасанѣ, ихъ прогнали персіяне. Салыры тогда переселились на Муръгъ-абъ, потомъ перешли въ Зуръ-абадъ (на Герри-рудѣ), наконецъ, съ разрѣшенія персидскихъ властей, прикочевали они съ стадами къ своему старому жилищу на Герри-рудѣ, у Сарахса. Не успѣли они прожить здѣсь нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ на нихъ напали текинцы изъ Мерва, угнали ихъ скотъ въ Мервъ; за нимъ послѣдовали и салыры. Текинцы размѣстили ихъ между всѣми своими родами. Ихъ насчитывается отъ 2 тыс. до 3 тыс. семей.

На основаніи вышеприведенныхъ цифровыхъ показаній, приблизительно численность указанныхъ туркменскихъ племенъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

1) Туркмены по Аму-Дарьѣ:

а) Сакары	3.000	кибитокъ	} 33.200 киби- токъ.
б) Саяты и эски (племени чоудоръ)	200	>	
в) <u>Эрьсари</u>	30.000	„	

2) Туркмены въ Хивинскомъ ханствѣ:

а) Юмуды байрамъ-шалы (вмѣстѣ съ кара-чука)	20.000	>	} 22.000 кибит.
б) Гокланы	2.000	>	

3) Туркмены въ западной части Закаспійскаго края:

а) Юмуды кара-чука	15.000	>	} 21.000 кибит.
б) Туркмены разныхъ племенъ	2.000	>	
в) Гокланы	4.000	>	

4) Южные туркмены:

а) Ахаль-текинцы	30.000	>	} 93.000 кибит.
б) Мервскіе текинцы и салыры	50.000	>	
в) Сарыки	13.000	>	

Всего-же получится около 170.000 кибитокъ или приблизительно около 850.000 душъ. Но въ это число вошли,—какъ мы выше видѣли,—не всѣ туркменскія племена, живущія въ Хивинскомъ ханствѣ.

Въ прежнее время туркмены были полными хозяевами степи; они грабили и своихъ, и чужихъ. Караванамъ трудно было проникнуть изъ Хивы въ Оренбургъ; текинцы проникали на Мангышлакскій полуостровъ, гдѣ уводили киргизовъ въ плѣнъ и угоняли ихъ стада; по Каспійскому морю производили грабежи юмуды, захватывавшіе въ плѣнъ астраханскихъ и уральскихъ рыболововъ. Больше-же всего отъ туркменъ доставалось Персіи. Весь сѣверъ Хорасана и вся его восточная часть до границъ съ Гератомъ разорены ими окончательно. Въ одномъ только округѣ, Пяссъ-икухъ, лежащемъ по Герри-руду, изъ 460 деревень осталось всего около 20 жалкихъ поселеній. Кромѣ того, текинцы отправлялись на грабежъ въ Хиву, а сарыки въ Бухару. Послѣдніе проникали даже въ самую глубь Авганистана.

Съ занятіемъ Красноводска и Чикишляра и съ утверженіемъ русскаго господства на правомъ берегу Аму-Дарьи, положеніе дѣлъ значительно измѣнилось. На востокѣ присмирѣли туркмены, живущіе по Аму-Дарьѣ, а на западѣ—прикаспійскіе юмуды. Остались только текинцы. Занявъ два значительныхъ оазиса, отразивъ побѣдоносно нѣсколько разъ нашествіе персіянъ, подчинивъ своему вліянію сарыковъ, они уже представляютъ два значительныхъ

центра, съ населеніемъ почти полумилліоннымъ, готовымъ дѣйствовать за-одно. Не говоря уже объ опасности, угрожающей отъ этого сѣверной и сѣверо-восточной Персіи, текинцы сдѣлались теперь полными хозяевами Закаспійскихъ степей; безъ усмиренія ихъ, нельзя не только приняться за орошеніе безводныхъ пространствъ, лежащихъ по старому руслу Аму-Дарьи, но даже устроить постоянное караванное сообщеніе между Хивою и Красноводскомъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нынѣшняя Текинская экспедиція расширитъ кругозоръ свѣдѣній о туркменахъ; еще въ началѣ экспедиціи въ газетахъ появились корреспонденціи, въ которыхъ сообщены интересныя свѣдѣнія о туркменахъ и ихъ поселеніяхъ. Сдѣлаемъ нѣсколько выдержекъ изъ корреспонденцій, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“, „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ „Кавказѣ“.

Свѣдѣнія о Чикишлярѣ, Гассанъ-кули и о джафарбаевцахъ.

Базою экспедиціи былъ избранъ постъ Чикишляръ. Вотъ, какъ описываетъ его корреспондентъ „Русскаго Инвалида“.

„Чикишляръ — это джафарбаевскій аулъ, расположенный на низменномъ, песчаномъ берегу, въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря, въ 14-ти верстахъ отъ той черты на картѣ, подъ которою подписано: рѣка Атрекъ, потому что на самомъ дѣлѣ эта рѣка въ послѣднее время не имѣла того направленія, которое показано на картѣ, а текла гораздо южнѣе. Скоро она окончательно потечетъ по тому направленію, какъ означено на картѣ *); это ея естественное теченіе“.

*) По газетнымъ извѣстіямъ, поворотъ Атрека уже совершился. Въ Х-омъ письмѣ „Изъ Закаспійской степи“ (см. „Русскій Инвалидъ“, № 193) объ этомъ поворотѣ говорится слѣдующее: „Атрекъ нѣсколько разъ мѣнялъ свое теченіе: то онъ протекалъ по естественному своему руслу, которое означено на нашихъ картахъ, то получалъ направленіе на югъ. Это зависѣло отъ того, какое изъ живущихъ по низовьямъ Атрека туркменскихъ племенъ брало перевѣсъ. Если осиливали джафарбайцы, то Атрекъ направлялся по своему естественному руслу; если брали верхъ атабайцы, то Атрекъ отводился къ югу. Въ концѣ 1871 и въ началѣ 1872 годовъ, когда наши войска посѣтили низовья Атрека, онъ имѣлъ направленіе по своему естественному руслу, потому что тогда джафарбайцы были въ силѣ. Вотъ почему на нашихъ картахъ Атрекъ показанъ впадающимъ въ сѣверную оконечность Гассанъ-кулинскаго залива. Съ 1872 г. наши войска не были на устьяхъ Атрека, а между тѣмъ атабайцы получили перевѣсъ и отвели Атрекъ къ югу“.

Въ настоящемъ году Атрекъ направленъ опять по старому руслу, по слѣдующей причинѣ: „Отъ Чикишляра въ Чать и далѣе въ Дузь-Олумъ су-

„Число кибитокъ Чикишлярскаго аула колеблется по временамъ года: зимою ихъ меньше, а лѣтомъ, когда страна между Атрекомъ и Гургеномъ, по причинѣ лихорадокъ, неудобна для житья кочевниковъ, населеніе Чикишляра увеличивается иногда до полуторы тысячи кибитокъ“.

„Чикишлярскій рейдъ по прямой линіи отъ сѣвера къ югу не защищенъ ни отъ какихъ вѣтровъ. Глубина, на которой могутъ останавливаться морскія суда (12 фут.), находится въ 3-хъ верстахъ отъ берега, и на это разстояніе должны выходить туркменскія парусныя лодки для выгрузки шкунъ. Отъ берега на полверсты глубина воды такова, что недоступна и туркменскимъ лодкамъ. Въ прежнее время, когда мы занимали Чикишляръ лишь временно*), для выгрузки туркменскихъ лодокъ люди входили въ море на полверсты и на рукахъ тащили тяжести. Съ конца прошлаго года, когда мы окончательно заняли Чикишляръ, начата постройкою пристань, которая въ началѣ нынѣшняго года выведена на такую глубину, что лодки могутъ приставать къ ней свободно. Пристань состоитъ изъ земляной дамбы и деревяннаго моста, выведенныхъ въ западномъ направленіи“.

ществуютъ двѣ дороги: сѣверная, пролегающая черезъ колодцы Караджа-батырь, и южная, идущая мимо колодцевъ Бевюнъ-баши; первая короче второй на 30 верстъ, но за то имѣетъ большой безводный переходъ (между Чикишляромъ и Караджа-батыремъ) въ 50 верстъ. Поэтому войскамъ дано направленіе на Бевюнъ-баши. Но такъ какъ въ колодцахъ по этому пути воды мало и отъ нихъ до русла Атрека, по которому онъ протекалъ въ послѣднее время, еще 37 верстъ, то покойный Лазаревъ приказалъ пустить Атрекъ по старому его руслу, которое подходитъ къ колодцамъ Бевюнъ-баши. Нужно замѣтить, что джафарбайцы еще раньше просили наши власти отвести Атрекъ къ сѣверу, такъ какъ ихъ поля безъ воды пропадаютъ“. Поэтому понятно, съ какой радостью они встрѣтили приказаніе генерала Лазарева; они немедленно выставили рабочихъ съ лопатами и топорами. Понятно также, почему то-же рѣшеніе генерала атабайцы встрѣтили враждебно; они вздумали-было даже сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ приведенію въ исполненіе приказанія ген. Лазарева. Какъ-бы то ни было, когда была устроена плотина, названная въ честь генерала Лазарева „Батырь-сардаръ-бендъ“ (туркмены называли покойнаго Лазарева „батырь-сардаръ“) и вода потекла по вырытой канавѣ, то арыкъ-аксакаль (мирабъ) приказалъ принести въ жертву известное количество барановъ, а вслѣдъ за тѣмъ, по обычаю, онъ былъ народомъ брошенъ въ воду; въ это мгновеніе десяти баранамъ отрубили головы. Атабайцамъ осталось еще много воды, такъ какъ выше Кара-бабы (гдѣ устроена плотина) у нихъ проведено множество канавъ.

*) Впервые русскія войска заняли Чикишляръ въ декабрѣ 1871 года. Цѣль занятія этого пункта заключалась въ томъ, чтобы быть ближе къ источнику перевозочныхъ средствъ (верблюды), которые нужны были для Хивинской экспедиціи. Послѣ Хивинскаго похода Чикишляръ былъ очищенъ. Окончательно онъ былъ занятъ русскими только 20 сент. прошлаго года.

„Съ тѣмъ обстоятельствомъ, что морскія суда останавливаются въ трехъ верстахъ отъ берега, можно было-бы помириться; но бѣда состоитъ въ томъ, что господствующіе вѣтры на Чикишларскомъ рейдѣ: сѣверо-западный, западный и юго-западный. Отъ этого, чтобы попасть къ шкунѣ, туркменская лодка должна лавировать при мало-мальски свѣжемъ вѣтрѣ часа четыре. Мало того, бури сильно размываютъ и дамбу“. Такъ, напр., буря, поднявшаяся въ ночь съ 6-го на 7-е іюня, до того размыла дамбу, что для свозки провіанта, наваленнаго на пристань, арбы не могли въѣзжать на нее и должны были входить прямо въ море. Пришлось укрѣплять дамбу фашинами изъ камыша, который привозится съ Атрека, за 30 верстъ.

Корреспондентъ „Кавказа“ (№ 152) къ числу неудобствъ Чикишляра относитъ: солонцевато-мутную воду, употребляемую для питья и добываемую посредствомъ копанія колодцевъ или, правильнѣе, ямъ въ окрестностяхъ аула, песчаную пыль, множество вредныхъ насѣкомыхъ (фалангъ, скорпіоновъ, тарантулъ), обиліе мухъ и комаровъ огромной величины. Для того, чтобы защититься отъ ужаленія послѣднихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранить глаза и ротъ отъ пыли, мѣстные жители покрываютъ себѣ лицо плетеными изъ осочной травы вуалями. Лѣтомъ довольно большія жары *).

Болѣе извѣстны джафарбаевскіе аулы, кромѣ Чикишляра, слѣдующіе: Ходжа-Нефесъ (самый южный), Кара-Сенгиръ, Гюмишъ-тепе, Гассанъ-кули, Челекенъ, Огурчинскій. Число кибитокъ въ аулахъ не всегда постоянно. Такъ, лѣтомъ число кибитокъ значительно увеличивается въ аулахъ Гассанъ-кули и Чикишлярѣ; зимою въ этихъ аулахъ число жителей уменьшается, но за то значительно растетъ аулъ Гюмишъ-тепе (Серебряный бугоръ).

Джафарбаевцы имѣютъ свои поселенія при морѣ или вблизи его; къ В. отъ нихъ тянутся кочевья ближайшихъ ихъ родичей атабаевцевъ, составляющихъ, вмѣстѣ съ джафарбаевцами, отдѣленіе іомудскаго племени—кара-чука. Поселенія этого отдѣленія іомудовъ тянутся отъ Каспійскаго моря, между Атрекомъ и Гургеномъ, въ глубь страны, примѣрно, до Чата.

По образу жизни и занятіямъ, джафарбаевцы, равнымъ образомъ какъ и атабаевцы, раздѣляются на чомуръ (осѣдлыхъ, занимающихся земледѣліемъ) и чорву (кочевыхъ, занимающихся скотоводствомъ). Послѣдніе разводятъ овецъ, верблюдовъ и лошадей. Туркменскія лошади довольно крупной породы, съ длинной шей, высокими ногами, способны выносить дальнюю ѣзду, голодъ, жажду и зной, почему онѣ и стоятъ въ довольно высокой цѣнѣ. Посѣвы іомудовъ находятся по Атреку и главнымъ образомъ по Гургену и Ходжа-Нефесу. Посѣвы, начинаясь недалеко отъ морскихъ

*) Въ іюль, при безвѣтріи, на солнцѣ термометръ показывалъ свыше 40°, а вода, которую приходилось пить, а также и въ морѣ, была тепла, какъ щелочъ (до 25°). Въ Чатѣ термометръ показывалъ 44° и даже болѣе.

береговъ, идутъ въ глубь страны почти до самой персидской крѣпости Акъ-кала, лежащей на Гургенѣ, въ семи фарсангахъ (49 верстахъ) отъ устья этой рѣки. Хлѣбъ родится въ хорошіе годы самъ 20, въ плохіе самъ 5. Джафарбаи ежегодно засѣвають пшеницы болѣе 20.000 пудовъ и рису до 1.200 пудовъ.

По показанію корреспондента „Русскаго Инвалида“ (см. № 174), примѣрная годовая потребность богатаго семейства чомуръ, состоящаго изъ хозяина, двухъ женъ, одной невольницы, одного сына и одного работника (а всего изъ 6-ти душъ), оцѣнивается въ 4.320 крановъ (1.297 руб.). Тутъ посчитана стоимость пшеницы, рису, масла, чаю, сахару (русскаго и энзелинскаго тростниковаго), гранатнаго соку (употребляемаго какъ уксусъ и какъ лакомство), барановъ, рогатаго скота, куръ, яицъ, одежды и ячменя (для лошадей и муловъ). Самый бѣдный джафарбай расходуетъ въ годъ отъ 9-ти до 12-ти рублей. Чай и сахаръ чомуръ покупаютъ у русскихъ купцовъ на островѣ Ашуръ-адэ, масло, барановъ и рогатый скотъ вымѣниваютъ на хлѣбъ у чорвы; энзелинскій сахаръ и гранатный сокъ вымѣниваютъ они у персіянъ на рыбу, которую и сами употребляютъ въ большомъ количествѣ.

Кромѣ того, джафарбаевцы занимаются рыболовствомъ. Рыболовствомъ занимаются главнымъ образомъ жители аула Гассанъ-кули. Вотъ какъ описываетъ Гассанъ-кули корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 176): „Гассанъ-кули—это огромный аулъ осѣдлыхъ джафарбаевъ-рыбаковъ (расположенный верстъ на 15 южнѣе Чикишляра). Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ досчатыхъ домиковъ и до полуторы тысячи превосходныхъ войлочныхъ кибитокъ, обтянутыхъ съ боковъ густою рѣшеткой изъ камыша и въ безпорядкѣ разбросанныхъ по берегу Гассанъ-кулинскаго залива на протяженіи около 2-хъ верстъ. Въ видахъ предосторожности отъ весьма частыхъ здѣсь наводненій, всѣ домики построены на высокихъ сваяхъ, а большая часть кибитокъ расположена на каменныхъ платформахъ. Характерную особенность означеннаго аула составляютъ: цѣлый лѣсъ мачтъ, выглядывающихъ изъ-за кибитокъ, когда вы подъѣзжаете къ нему со стороны степи, невода и другія рыболовныя снасти, разбросанныя около каждой кибитки. Вся прибрежная полоса залива, раскинувшаяся здѣсь, точно море, покрыта предъ ауломъ сотнями туркменскихъ лодокъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ вдали ватаги армянь, ежегодно закупающихъ здѣсь рыбу у гассанъ-кулинцевъ“.—Рыболовство ежегодно приноситъ аулу большіе доходы. Суда строятся исключительно жителями этого аула *).

У всѣхъ чомуръ-джафарбаевъ (родовъ яралаи и нуралаи) считает-

*) Гассанъ-кулинцы хорошіе мастера. Они дѣлаютъ въ годъ до 30 парусныхъ лодокъ, стоимостью отъ 300 до 500 руб. каждая, и болѣе 100 кибитокъ. Женщины ткуютъ паласы, ковры и превосходныя сукна изъ верблюжьей шерсти.

ся не менѣе 500 лодокъ различныхъ размѣровъ (есть и двухмачтовые) и въ числѣ ихъ не менѣе 350-ти такихъ, изъ которыхъ каждая даетъ своему хозяину среднимъ числомъ въ годъ 225 крановъ (три крана равняются почти одному рублю). Лодки, занимающіяся рыболовствомъ, приносятъ чистаго барыша 150 крановъ, а перевозящія изъ Челекена къ персидскимъ портамъ нефть и соль—300 и болѣе крановъ въ годъ (№ 174 „Рус. Инвалида“).

„До принятія Астрабадскою морскою станціею энергическихъ мѣръ, лодки крупныхъ размѣровъ имѣли еще одно назначеніе: на нихъ туркмены ходили грабить не только персидскія суда, но и персидскіе прибрежные города и селенія. Въ настоящее время промыселъ этотъ почти не имѣетъ мѣста, такъ какъ туркмены твердо увѣрены, что русскіе, обязанные трактатомъ съ Персіею защищать подданныхъ этого государства отъ морскихъ разбоевъ, не простятъ имъ ни одного грабежа. При этомъ заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что для предупрежденія грабежей туркменъ русская морская станція не посылаетъ ни одного крейсера въ море. Мѣра, избранная для выполненія обязательствъ Россіи къ Персіи, состоитъ въ томъ, что ханъ осѣдлой береговой части населенія, избранный народомъ, но вполне подъ влияніемъ начальника станціи и имъ утвержденный, матеріально заинтересованъ въ сохраненіи полного спокойствія на морѣ, — при этомъ русскіе не принимаютъ никакого участія въ денежныхъ расходахъ. Хану, съ двумя его помощниками, предоставлено право взимать въ свою пользу известную пошлину съ каждой лодки и съ людей, на ней находящихся *). За такое вознагражденіе хану вмѣнено въ непремѣнную обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы всякая туркменская лодка, слѣдующая къ берегамъ Персіи или вообще идущая въ море за Ашуръ-адъ, непременно заходила на этотъ островъ за полученіемъ русскаго билета; кромѣ того, ханъ обязанъ не только во чтобы то ни стало выкупать и представлять начальнику астрабадской морской станціи (котораго туркмены называютъ *дарья-бети*), всякаго персіянина, взятаго въ плѣнъ туркменами, и вознаграждать послѣдняго за всѣ понесенные имъ убытки, но и отвѣчать штрафомъ за каждую захваченную судами станціи лодку

---

*) Хану выплачиваются слѣдующія пошлины: за каждую лодку съ нефтью 10 крановъ и, кромѣ того, съ каждаго на лодкѣ находящагося чело-
вѣка тоже 10 крановъ. Такимъ образомъ лодка съ нефтью и пятью лодоч-
никами, какъ это бываетъ большею частью, даетъ хану 60 крановъ (18
руб.). За каждую лодку съ солью ханъ получаетъ два крана и, кромѣ того,
столько-же съ каждаго чело-вѣка, находящагося на лодкѣ. Каждый рыбопро-
мышленникъ, вывозящій рыбу для продажи купцамъ русскимъ или персид-
скимъ и вообще каждый, ведущій непосредственную торговлю съ оптовыми
покупщиками рыбы, платитъ хану въ годъ 300 рублей. Каждый, занимаю-
щійся рыболовствомъ, платитъ, смотря по числу лодокъ, употребляемыхъ на
этотъ промыселъ, отъ 15-ти до 450-ти рублей.

безъ русскаго вида. Станція, въ свою очередь, всегда оказываетъ хану, по первому его требованію, поддержку“ (№ 174 „Рус. Инв.“).

„Во всѣхъ ближайшихъ къ морю аулахъ живетъ много огурджалинцевъ, поступившихъ въ общества джафарбаевъ, принадлежащихъ къ іомудскому племени. Каждый огурджали, поступаая въ іомудское общество, долженъ непременно избрать себѣ патрона, обязанность котораго защищать своего кліента отъ всякихъ притѣсненій. Покровитель іомудъ относительно своего огурджали становится въ положеніе господина и за свои услуги беретъ съ него дань. Огурджали не имѣютъ права жаловаться на своего патрона, но ему не возбраняется избрать себѣ новаго покровителя. Іомуды берутъ вообще съ огурджали за покровительство весьма умѣренную дань, такъ что между огурджалинцами очень много людей зажиточныхъ, ведущихъ относительно весьма крупную торговлю“.

„Всѣ іомуды и огурджали подраздѣляются еще на *куль* и *изъ*. Къ первымъ принадлежатъ родившіеся отъ карнакъ (невольницъ), ко вторымъ—рожденные отъ матерей іомудокъ или огурджалинокъ. *Куль* получаютъ наслѣдство въ половину противу *изъ*“.

Преобладающій типъ туркменъ—смуглыя, бронзовыя и нѣсколько скуластыя лица, маленькіе, ввалившіеся глаза, черные какъ смоль волосы и необыкновенной бѣлизны зубы. Туркмены носятъ длинныя бороды, но при этомъ имѣютъ обыкновеніе пробривать всю верхнюю половину щеки, такъ что борода кажется привѣшенной.

Корреспондентъ „Кавказа“ (см. № 152) такъ описываетъ туркменъ: „Они (т. е. туркмены) довольно красивый и симпатичный народъ, высокаго роста, хорошо и крѣпко сложены, съ красивыми и *правильными* чертами лица, съ горделивою осанкою и важною поступью; не видно въ нихъ ни рабѣльства, ни униженія. Туркменки тоже рослы, крѣпки и недурны собой“. Дѣйствительно, между туркменами попадаются личности съ чертами лица настолько правильными, что онѣ могли-бы служить представителями чистаго такъ-называемаго кавказскаго типа. Это обстоятельство надо приписать смѣшенію туркменъ съ персіянками, на что явственно указываютъ попадающіеся не рѣдко у туркменокъ темные глаза и круто выгнутыя брови.

„Рѣзко бросается въ глаза національный костюмъ туркменъ, состоящій изъ уродливаго покроя халатовъ (шелковыхъ и другихъ тканей, смотря по состоянію) и высокихъ барашковыхъ шапахъ, замѣняющихъ имъ подушки и защищающихъ голову отъ солнечнаго зноя. Костюмъ женщинъ таковъ-же, какъ и мужчинъ, за исключеніемъ головного убора, состоящаго изъ шалей и огромной величины ушныхъ серегъ“.

„Туркменки не скрываются, подобно другимъ магометанкамъ; онѣ постоянно ходятъ съ открытыми лицами, развязны и трудолюбивы. Всѣ работы производятся руками женщинъ; даже кибитки разбираютъ женщины“.

Жену туркмены покупаютъ. „Въ Гассанъ-Кули, говоритъ кор-

респовдентъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 176), за дѣвушку до 13-ти лѣтъ платять не болѣе 300 руб., за вдовушку еще дешевле. Особенно цѣнится возрастъ отъ 13-ти до 24 лѣтъ, и цѣна въ этомъ случаѣ колеблется между 400 и 1.500 рублями. Туркменъ, желающій жениться, посылаетъ одного изъ своихъ друзей къ отцу дѣвушки. Тотъ, если принимаетъ предложеніе, назначаетъ цѣну, — начинается торгъ. Разъ цѣна установлена, вносятся деньги и совершается бракосочетаніе въ тотъ-же день“.

„У жениха или отца его угощаются родственники и друзья обѣихъ сторонъ, для чего рѣжутъ барана и приглашаютъ пѣвцовъ. Сюда-же является мулла и, прочитавъ молитву изъ корана, объявляетъ бракъ совершеннымъ. Въ это время невѣсту сажаютъ на верблюда подъ балдахиномъ вмѣстѣ съ одною изъ замужнихъ подругъ, обязанность которой состоитъ въ посвященіи дѣвушки во всѣ тайны брака, и ведутъ въ сопровожденіи однѣхъ женщинъ за край аула, гдѣ предварительно ставятъ особую кибитку (если дѣвушку выдаютъ въ другой аулъ, то ея поѣздъ сопровождаютъ со значкомъ и конные, которые устраиваютъ на пути скачку и т. п.). Женщины затѣмъ удаляются, и до вечера, т. е. до прихода жениха, въ кибиткѣ остается съ невѣстой только ея подруга-наставница, которая также уходитъ, когда начинается смеркаться. Въ это время въ сопровожденіи своихъ друзей является молодой. Онъ одинъ входитъ въ кибитку, а остальные возвращаются. На слѣдующій день утромъ тѣ-же друзья уводятъ молодого мужа въ его кибитку въ аулъ, а немного погодя женщины приводятъ туда-же и его жену. Тѣмъ и кончается вся церемонія“.

„Человѣкъ состоятельный помѣщаетъ каждую жену въ особой кибиткѣ, но рядомъ, а бѣдные живутъ подъ однимъ кровомъ со всѣми женами и дѣтьми. Разводъ вполне зависитъ отъ мужа“.

Ссоры и тяжбы между туркменами разбираютъ выборные старѣйшины, называемые аксакалами. Обще-мусульманскій шаріатъ, можно сказать, не примѣняется у этого народа, — у него господствуетъ свое собственное обычное право, которое наказываетъ денежнымъ штрафомъ всѣ уголовныя дѣла, не исключая и убійства. „За послѣднее преступленіе съ виновнаго взыскиваютъ въ пользу родныхъ убитаго 3.000 рублей. Въ случаѣ его несостоятельности, платить весь родъ, къ которому онъ принадлежитъ, или, что бываетъ весьма часто, вся сумма или недостающая ея часть собирается со всего аула по добровольному пожертвованію. Местъ за кровь — не въ ходу у туркменъ“.

Въ заключеніе приведемъ описаніе джафарбаевскаго кладбища (*кабурсана*), сдѣланное корреспондентомъ „Московск. Вѣдомост.“. Кладбище это находится въ 5-ти верстахъ отъ Гассанъ-кули (№ 176). „Оно представляетъ большую площадь, покрытую песчаными буграми-могилами, изъ которыхъ высовываются то шести съ развѣвающимся на нихъ тряпьемъ, то цвѣтные глиняные кувшины. Нѣкоторые бугры окружены кольцомъ небольшихъ каменныхъ плитъ, на другихъ стоятъ чайники, полусгнившіе сундуки, игру-

печныя лодочки или глыбы камня, болѣе или менѣе затѣйливой формы, съ краткими надписями.

По поводу разнообразныхъ вещей, лежащихъ на кладбищѣ, туркмены пояснили, что вѣтеръ замечаетъ песчанныя могилы въ такой степени, что родственники похороненныхъ ошибаются относительно мѣста погребенія послѣднихъ. Поэтому здѣсь существуетъ обыкновеніе отмѣчать ихъ, за неимѣніемъ камня, предметами домашняго употребленія, принадлежавшими покойному и пришедшими въ негодность. Такъ, на могилѣ ребенка зачастую можно видѣть его игрушку-лодку, у женщинъ ихъ бывшіе сундуки, и т. п. Ставить привозные изъ Персіи камни, говорятъ, начали только недавно, и въ самомъ дѣлѣ, ни одна изъ надписей на нихъ не заходитъ далѣе 20—25 лѣтъ“.

„Въ центрѣ кладбища стоитъ небольшой досчатый балаганчикъ, построенный какимъ-то благочестивымъ джафарбайцемъ, а внутри его большой, зарытый на половину въ песокъ кувшинъ, куда наливаютъ воду добровольно привозимую изъ Гассанъ-кули, въ видѣ приношенія усопшимъ. „Прохожіе, рассказывали туркмены, отдохнуть въ тѣни балагана, утолятъ здѣсь жажду, и невольно помолятся за души вблизи похороненныхъ“.

„Въ двухъ верстахъ, примѣрно, отъ кладбища находится посреди песчаной равнины совершенно правильной земляной курганъ, имѣющій форму усѣченного конуса, надъ которымъ возвышается деревянный шестъ. Подобные курганы, называемые *ювусха* (слово это происходитъ отъ слова „*юмакъ*“—мыть), имѣются около каждаго кладбища, на нѣкоторомъ отъ него разстояніи; назначеніе ихъ слѣдующее: умершаго тотчасъ послѣ смерти несутъ во всемъ платьѣ на ювусха. Здѣсь покойника раздѣваютъ и, послѣ надлежащаго омовенія, кутають въ бѣлый саванъ и несутъ для похоронъ на кладбище. Все-же его платье зарывается по обычаю въ курганъ, который поэтому съ теченіемъ времени принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Такъ-же точно поступаютъ со всѣми женщинами и дѣтьми. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ только такъ-называемые *шеиты* или убитые въ бою при защитѣ родного аула отъ нападенія хищниковъ... Шейты почитаются среди туркменъ какъ святые, и хоронятъ ихъ поэтому во всей одеждѣ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были убиты, хоть-бы это было среди самага аула.. Могилы ихъ обыкновенно окружены камнями и въ срединѣ этого кольца водруженъ высокій шестъ, на которомъ развѣвается разное тряпье“.